

МАРГАРИТА АЛИГЕР

ИЗ СТИХОВ 1941 ГОДА

От автора

...Столько было с первого дня войны напряжения и тревог, забот и хлопот, что я решительно не могу припомнить, когда и как я работала, т. е. писала стихи. Решительно не помню, чтобы я сидела за столом и чтобы непременно с утра и чтобы при тех условиях, которые необходимы мне для работы сейчас. Но тем не менее я писала непрестанно и написала много, судя хотя бы по тому, что в первую неделю войны стихи мои были напечатаны и в «Правде», и в «Известиях», и в «Комсомольской правде».

Стихи писались все время, стихами становилось все: каждое переживание и впечатление, каждое раздумье и каждая радость, и каждая печаль, и именно это помогало жить, облегчало душу, помогало справляться со всем тем огромным и казалось бы непосильным, что свалилось на нас и что в конце концов оказалось нам по силам. И, вероятно, именно потому, что все чувства и переживания были общими и всеобщими, одинаково легко писалось и то, что вспыхивало в душе и в мозгу, и то, что писалось по непосредственному заказу редакций, по материалам, приходившим с фронта, — и наверное именно поэтому и то и другое в равной мере доходило до людей, до читателей, — все это было и их чувствами, и их переживаниями, все это и их касалось, и их потрясало, и — выраженное стихами — им помогало жить. Совсем не все, что появлялось тогда, и даже не все, что имело успех, осталось жить в советской поэзии. Иное просто позабылось, а иное, волновавшее в то время, сейчас совсем не трогает и не радует поэтически. Но строки, написанные тогда и выдержавшие испытание временем, эти строки поэт может числить в своем золотом фонде, в них он уже может не сомневаться. И мне бесконечно дороги стихи военных лет, стихи, которые навсегда остались в моей судьбе, которые может быть и определили ее, эту судьбу.

Почти все, что писалось тогда, печаталось почти сразу, чаще всего в газетах. Неопубликованными остались только не самые главные, может быть, попросту недописанные стихи, записанные второпях и в большей части своей утраченные. Печатаемые здесь стихи нашлись случайно и сохранились случайно, написанные где-то на ходу и между делом, затерявшиеся между другими стихами и совсем позабывшиеся.

Я не помнила этих стихов, но, найдя и перечитав их, я очень отчетливо вспомнила, где, когда, при каких обстоятельствах они писались, вспомнила Москву пронзительной осени сорок первого года и Москву железной зимы сорок второго и между ними в моей судьбе протекающую, темную, словно из жидкого холодного металла, Каму, и душевное состояние той осени и той зимы, и чем были стихи в ту пору для каждого из нас, — и для тех, кто их писал, и, пожалуй, — я смею надеяться и не могу не сказать об этом, — и для тех, кто их читал. Вот этой-то памятью они и дороги мне, эти не главные и не лучшие, забытые стихи.

Сентябрь 1965 г.

СОКОЛЬНИКИ

В мире есть еще запах дождем окропленной березы.
 Мухоморы смешные, ничуть не смущаясь, растут.
 В мире есть еще милый, вплотную встающий сквозь слезы,
 позолоченный, синий, студеный, осенний уют.
 Я еще это вижу глазами раскрытыми шире
 на какую-то долю секунды.

На землю шурша
 опускаются листья.

Ничто не меняется в мире.
 Как река в сентябре, остывает и молкнет душа.
 Ничего, ничего!

Посмотри: вдоль всего горизонта
 лес стоит пламенея, струится огонь по листьям.
 Я на запад гляжу в направлении недалекого фронта.
 Если ты еще жив, то сейчас ты находишься там.
 Бой идет недалеко.

Противник форсирует реку.
 Я придумую так:

ты отпущен на час отдохнуть.
 Много ль нужно для счастья измученному человеку?
 На солому свалиться, потуже махорку свернуть...
 Может так получилось: стрельба прекратилась немного.
 Тишина наступила на несколько добрых минут.
 Отошли от тебя напряженье, усталость, тревога,
 и такой окружил тебя славный и нужный уют,
 что усталые ноги твои отошли, отгудели,
 и расправилось сердце, зажатое словно в кулак...
 Может это не выдумка?

Что если вдруг в самом деле,
 не сегодня так завтра, а будет все именно так?
 Если ты еще жив.

Я уверена, легче и проще
 жить на свете сегодня тому, кто зовется бойцом.
 Если ты еще жив.

В облетающей гаснущей роще
 я стою, цепenea, к закату и фронту лицом.

Сентябрь 1941 г.

* * *

Мне предначертано в веках,
 из дома изгнанной войною,
 пройти с ребенком на руках
 чужой лесистой стороною.

узнать дорогу до конца,
 хлебнуть мороза, зноя, пыли,
 и плакать каплями свинца,
 которыми тебя убили.

Декабрь 1941 г.

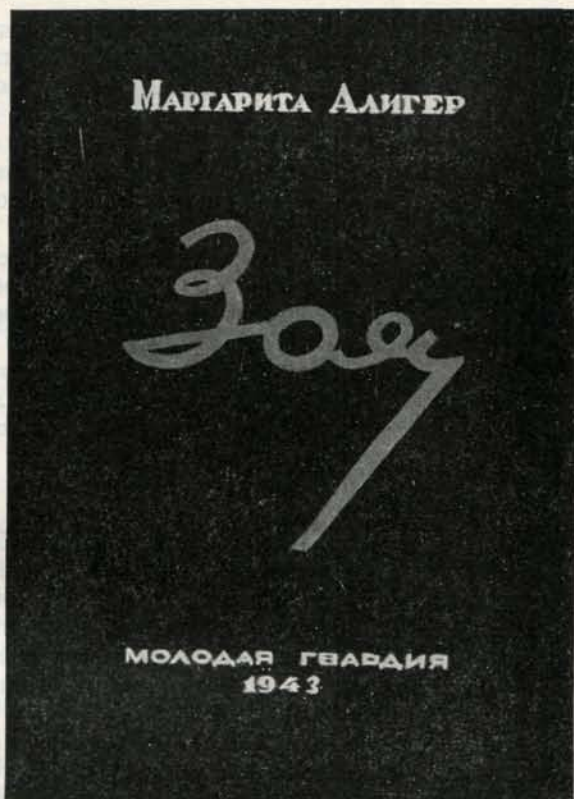
«ЗОЯ»

Первое отдельное издание поэмы

М. И. Алигер.

М., «Молодая гвардия», 1943

Обложка

КИЕВ

Сколько бомб на тебя ни сброшено,
 все равно сохранить тебе
 все, что только было хорошего
 в нашей общей с тобой судьбе.
 Ты мне снишься ночами зимними,
 ты мне видишься ясным днем,
 осененный майскими ливнями,
 в своде радуги над Днепром.
 Не забыть мне светлого облика.
 ...Тихо-тихо тополь дрожал.
 Под крылом пушистого облака,
 улыбаясь, город лежал.
 Мы входили в него на цыпочках,
 чемоданы куда-то сдав,
 и, клубникою губы выпачкав,
 целовались в его садах.
 Как чудесное обещание,
 был весь город и каждый дом.
 Потому-то наше прощание
 и случилось в городе том.
 Только мы об этом не ведали,
 просыпались и пили чай,
 покупали цветы, обедали,
 даже ссорились невзначай.

А совсем по-другому нужно бы
нам друг другу в глаза глядеть
и, обнявшись, детьми послушными
дни и ночи тихо сидеть.
Хорошо, что тот город солнечный
ни словечка нам не сказал.
Как бы тою последней полночью
я глядела в твои глаза?
Но спасибо городу доброму,
что он счастье наше берег,
проводил нас тихонько под руку,
верить в будущее помог.
А о будущем не расспрашивай,
не придумывай и не лги.
Стонут камни города нашего,
где хозяйничают враги.
Стала грудь моя клеткой тесною,
трудный камень я в ней несу,
что лежит над могилой безвестною,
может в поле, может в лесу.
Сапогами, колесами, танками
стерло, смыло, сбilo пути.
Если между лесными полянками
той могилы мне не найти...
Ничего!

Днепр умолк под льдинами,
словно впаянный в берега.
Город наш, убеленный сединами,
стиснув зубы, терпит врага.
Киев, Киев, я свято верую,
а иначе жить не могу,
что заплатят полною мерою
за страданья наши врагу.
Что весной голубиной, раннею,
как тогда тебе зацветать,
той любви и тому прощанику
вечным памятником стоять.

Декабрь 1941 г.